

Жизнь Цюй Дубяня, постигающего грамоту, была на редкость многогранной.

Если вчера он слушал лекции Учителя Си, то сегодня настал черёд Великого наставника Фана. Этот старик оказался куда забавнее Си Шицю: прекрасно зная, кто перед ним, он всё же разыграл при встрече крайнее изумление.

— Ох! — воскликнул он, округлив глаза. — Так вот вы какой, Маленький принц!

Дубянь, разумеется, не остался в долгу и подыграл ему с самым невинным видом.

Пока эти двое обменивались загадочными фразами, остальные принцы лишь недоумённо переглядывались. Сколько бы они ни выспрашивали, правды им было не узнать — это стало маленьким секретом между Дубянем и Великим наставником.

Следующие полмесяца жизнь текла по заведённому порядку: утро — в школе, полдень — за прописями. Дубянь уже освоил большую часть обиходных иероглифов, прилежно изображая простачка всякий раз, когда наставник Фан пытался прощупать истинную глубину его познаний. Мальчик всю готовился к написанию своего первого «размышления».

За это время он успел запустить симулятор второй раз и вытянул... десять семян клубники.

«Моя любимая клубника!»

Дубянь едва не подпрыгнул от радости. В этом мире Срединные земли ещё не знали вкуса этой ягоды — её завезли в Китай лишь в конце девятнадцатого века. Клубнику лучше всего сажать весной, в идеале — с февраля по апрель. Празднование Нового года было не за горами, а значит, и февраль уже близко.

«Пока припрячу. — А в феврале посажу. Когда вырасту и получу собственное поместье, засажу там всё фруктами и овощами, разведу кур, уток, коров и овец»

Пробуждающиеся гены земледельца давали о себе знать.

В школе Дубянь успел сойтись со всеми братьями, и лишь об одном он жалел: симулятор не показывал уровень приязни кровных родственников. А ведь было бы любопытно узнать, сколько в заботе старшей тройцы искреннего тепла, а сколько — притворства.

Зато с Четвёртым принцем они скрепили узы крепкой «революционной дружбы», став неразлучными соратниками по сну на уроках Учителя Си. Они то и дело подкармливали друг друга сладостями и выпечкой.

Дубянь заметил, что его Четвёртый брат не просто любит поспать — в его нежелании открывать глаза сквозило некое эстетическое неприятие несовершенства этого мира.

«Если я закрою глаза, — казалось, думал тот, — то мир перестанет существовать»

Весьма любопытная философия.

Шестой принц по-прежнему вёл себя ершисто, но стоило Дубяню взяться за дело, как и этот сорванец оказался втянут в общую игру. Даже молчаливый Пятый принц нет-нет да и вставлял пару слов в их беседы, что уж говорить о Шестом, чей детский ум порой просто не поспевал за хитростями Дубяня.

Дети императорской крови взрослеют рано, но всё же не настолько, чтобы перестать быть детьми.

Шестой принц протянул Дубяню кусочек пирожного, которое принёс сегодня из дворца Сюсян.

— На, возьми. Те вяленые ломтики мяса, что ты давал в прошлый раз, были... ничего так.

Они втроём, включая Четвёртого принца, сгрудились вокруг стола Дубяня. Поверхность была завалена угощениями — настоящий детский пир.

— Вот, Шестой брат, попробуй это, — Дубянь пододвинул к нему тарелку. — Спутник Е придумал новый рецепт.

Четвёртый принц тоже жевал, но делал это в два раза медленнее остальных.

— Ты ведь не живёшь в гареме и многого не знаешь, — вдруг проговорил Шестой принц. — Я слышал, как стражники у ворот шептались, что ты приносишь несчастье, и говорили мне не играть с тобой.

Он вскинул подбородок, явно напрашиваясь на похвалу:

— Но я всё равно с тобой играю! Так что теперь ты должен меня слушаться.

Говорящий не придавал своим словам значения, но Дубянь насторожился. Он откусил кусочек мяса и буднично спросил:

— И кто же это говорит?

— Да все кругом, — беспечно отмахнулся Шестой.

— Ой, — запоздало отозвался Четвёртый принц, — кажется, я тоже такое слышал.

Сидевший впереди Пятый принц обернулся и, встретившись взглядом с Дубянем, едва заметно кивнул. Это означало, что и до него дошли слухи.

— И давно это началось? — Дубянь прищурился.

Четвёртый принц задумался:

— Ну...

Его медлительность могла вывести из себя кого угодно. Шестой принц просто запихнул ему в рот кусок пирожного:

— Да уже несколько дней как. Всё забывал тебе сказать.

— Брат, не переживай, — Четвёртый принц с трудом проглотил угощение. Он понимал, что «беда» — слово нехорошее, и приобнял Дубяня пухлой ручонкой. — Четвёртый брат не перестанет с тобой играть.

Растроганный Дубянь уткнулся носом в плечо брата:

— Ты самый лучший!

Шестой принц вскинулся от негодования:

— Эй! Вообще-то я первый об этом сказал!

В его представлении новый Седьмой братец был любопытной, хоть и немного раздражающей игрушкой, но сейчас эта «игрушка» почему-то льнула к другому. Детское чувство собственности вспыхнуло мгновенно. Издав воинственный клич, он тоже бросился обниматься.

Дубянь в мгновение ока превратился в начинку для «живого бутерброда» и с мольбой посмотрел на Пятого принца. Тот лишь молча прикрыл лицо книгой и отвернулся.

Пока у них царил шумное веселье, старшая троица упражнялась в красноречии и обменивалась колкостями — у каждого был свой способ коротать время. Только когда в зал вошёл Великий наставник Фан, братья нехотя разошлись по местам.

Дубянь накрепко запомнил слова Шестого брата. Он решил, что по возвращении обязательно поручит Сяююаню и Сяочуню разузнать, откуда дует ветер.

Однако неприятности начались раньше, чем он ожидал. Посреди урока в школу неведомо откуда ворвалась целая стая серых крыс. Они с писком метались по залу, сея панику среди учеников.

Евнухи бросились защищать своих принцев, а наставник Фан закричал во всё горло:

— Вон! Все вон из зала!

Дубянь и сам не на шутку перепугался. Крысы — разносчики заразы, и в условиях древней медицины один укус мог стать роковым. Е Сяюань подхватил его на руки и пулей вылетел из помещения.

Очутившись в безопасном месте, слуга перевёл дух и прижал к себе мальчика, пытаясь унять колотящееся сердце.

— Откуда в Восточном саду крысы? Да ещё столько сразу...

Дубяня посетило дурное предчувствие, но он лишь отшутился:

— Наверное, их привлекла здешняя еда — больно уж она вкусная.

Переполох в школе принцев — дело нешуточное. Все слуги Восточного сада сбежались на шум; бледные как полотно, они принялись вылавливать грызунов. Крыс прогнали, но занятия были сорваны, и Дубянь вернулся во дворец Цзюйань. Тем же вечером император Чунчжао велел провести в школе тщательный обыск и истребить всех вредителей до единого.

Дома Дубянь, старательно подбирая детские слова, пересказал слугам услышанное от братьев. Вэнь Сяочунь отправился выведывать, кто распускает слухи о «греховном плоде». Однако, прежде чем они успели что-то выяснить, случилась новая беда.

На следующий день, когда занятия были в самом разгаре, в пристройке рядом с учебным залом вспыхнул пожар. Зимой вода в пожарных чашах промерзла до дна, тушение затянулось, и огонь уничтожил добрую половину школы.

Теперь учиться было негде. Происходящее было настолько странным, что даже самый недалёкий человек почувал бы неладное. Занятия пришлось временно прекратить.

Неподалёку от дворца Цзюйань располагался уединённый сад, где когда-то любили гулять и качаться на качелях принцессы. Сейчас он пришёл в запустение: в небольшом пруду чернели засохшие стебли лотосов, припорошенные инеем.

Дубянь лениво раскачивался на качелях. Е Сяююань замер поблизости, а вскоре к ним поспешил Вэнь Сяочунь.

Сяююань отошёл на несколько шагов в сторону и, схватив товарища за рукав, шёпотом спросил:

— Ну что?

— Весь дворец гудит, — мрачно отозвался Сяочунь. — Говорят, что беды и несчастья — дело рук Седьмого принца. Мол, пока он сидел в своём дворце, всё было спокойно, а стоило ему появиться в Восточном саду, как началось...

— Что за бред!

— Это ещё не всё. Твердят, что теперь, когда Маленький принц оказался ближе к императору, его «греховная сила», подпитываемая силой государя, разрослась до небес.

Е Сяююань вспыхнул от гнева:

— Да они просто нагло лгут!

— Сегодня я тайком пробрался в Восточный сад, — продолжал Сяочунь. — Там как раз прибирали после пожара. Я выдал себя за одного из евнухов и всё осмотрел.

— И что? Нашёл что-нибудь?

Вэнь Сяочунь качнул головой:

— Нет, но я почувствовал запах масла. Я ведь на кухне ведаю запасами, мой нос на это натаскан. Там, среди гари, пахло горьким и терпким.

— Тунговое масло?

Сяочунь кивнул. Недавно на кухню привезли партию такого масла для пропитки дерева, и он, как ответственный за приёмку, запомнил этот специфический аромат. Более того, пару бочонков он даже припрятал у себя на складе.

— Кто-то намеренно подставил принца! — прошипел Сяююань.

— Школу сожгли дотла, — вздохнул Сяочунь. — Теперь, когда всё проветрилось, запах почти исчез. Нас никто не станет слушать.

В саду было тихо, и хоть слуги говорили вполголоса, до Дубяня долетали обрывки их беседы. Он сильнее оттолкнулся ногами, и качели взмыли выше.

«Так я и думал. — Новости у Сяочуня паршивые»

Вдруг до его слуха донёлся хруст снега. Дубянь поднял голову и увидел женщину в тёмном даосском облачении со свитком в руках — она шла вдоль пруда прямо к нему. Женщина остановилась перед качелями.

— Заместитель главы Астрологического управления Чжан Чаньсы приветствует Седьмого принца.

Дубянь на мгновение замер.

[Персонаж: Чжан Чаньсы]

[Приязнь: 7]

«Мы никогда не встречались, откуда у неё ко мне хоть какое-то расположение? И Астрологическое управление...»

Мальчик не питал к этому ведомству добрых чувств. Зачем она пришла сейчас, когда весь дворец полнится слухами против него? Каков её замысел?

К ним поспешил Е Сяюань:

— Госпожа Чжан. Вы здесь по какому-то делу?

— Я наблюдала за звёздами и увидела, что Маленького принца ждёт беда, — спокойно ответила она. — Пришла вручить оберег.

Она достала из свитка небольшую деревянную плашку размером с палец, на которой были вырезаны даосские знаки. Дубянь взял её — дерево было тёплым и гладким на ощупь. На обереге не было шнурка, видимо, его изготовили совсем недавно.

— Что это за «беда», о которой вы говорите? — спросил Сяюань.

Чжан Чаньсы не ответила прямо. Она лишь произнесла загадочную фразу:

— То, что рождено огнём и в огне обрело силу, огнём и закончится.

С этими словами она снова поклонилась Дубяню и удалилась.

— Что она имела в виду? — недоумевал Сяочунь.

Дубянь вертел в руках оберег.

«Это значит, что всё происходящее — дело рук Астрологического управления. Эта дама явно в курсе, но сама в этом не участвует. Ей претит мысль о преследовании ребёнка, но и выдать своих она не может. Вот и пришла предупредить»

Е Сяююань погрузился в раздумья. Ребёнок на качелях, казалось, ничуть не заботился о грядущих бурях. Он почесал затылок и как бы невзначай обронил:

— Школа сгорела... Спутник Е, а другие дома тоже могут загореться? Наш старый дом тоже?

Старый дом. Дворец, где когда-то жила наложница Юнь.

Дворец Юннин!

Сердце Сяююаня пропустило удар — он внезапно понял, к чему клонит принц.

Дубянь вздохнул с притворной печалью:

— Наверное, чинить дом, где жила мама, будет очень дорого.

Сяююань ласково погладил его по голове.

— Не беспокойтесь, Ваше высочество, император за всё заплатит. Поднялся ветер, пора возвращаться. Придём сюда, когда погода наладится.

— Хорошо! — улыбнулся Дубянь.

Они вернулись в покои. Всю дорогу Е Сяююань молчал, а уложив принца, немедленно отозвал Вэнь Сяочуня в сторонку.

— Ты знаешь, где находится дворец Юннин?

— Знаю.

Сяюань до боли сжал кулаки:

— Если эти мерзавцы хотят выжить принца из дворца, их следующей целью станет именно Юннин. Сегодня ночью ступай туда и приглядывай за округой. Попробуй поймать их с поличным.

— Будь осторожен!

— Не волнуйся, я всё понимаю. Береги Маленького принца.

Вэнь Сяочунь поглубже нахлобучил шапку и, борясь с ледяным ветром, исчез за поворотом.

Дворец Юннин.

Со смерти наложницы Юнь здание пустовало. Здесь царило безмолвие, лишь изредка заходили слуги, чтобы смахнуть пыль. Охраны почти не было. Сяочунь бесшумно прокрался внутрь и затаился в густых зарослях, превратившись в слух и зрение.

Глубокая ночь. Вдруг послышался странный шорох.

Сяочунь прищурился, медленно смещаясь к источнику звука. Возле главного зала в нос ударил резкий запах масла. Он увидел тень человека, раздувающего огниво.

Не успев помешать, Сяочунь закричал:

— Стой, мерзавец!

Тень даже не вздрогнула. Огниво упало на землю.

Пламя вспыхнуло мгновенно! Огненные языки жадно лизнули резные балки, и в ночном воздухе поплыл удушливый запах гари. Злоумышленник одним прыжком перемахнул через стену.

«У него отличная техника движения! Куда лучше моей»

Сяочунь не заметил его появления, а теперь из последних сил бросился в погоню.

— Пожар! Дворец Юннин горит! — кричал он на бегу.

Вскоре другие слуги заметили чёрный дым. Поднялась суматоха, крики разносились повсюду — звать на помощь больше не было нужды. Сяочунь не сводил глаз с убегающего человека, но тот, прежде чем столкнуться с патрулём, бесследно исчез.

Мимо промчались гвардейцы, спешащие к месту пожара.

— Скорее! Скорее! — разносились приказы. — Доложите императору!

В этой неразберихе Вэнь Сяочунь юркнул в тень и затаил дыхание. Появление слуги вне своего поста глубокой ночью каралось смертью, и он никак не смог бы объяснить, что делал во дворце Юннин. Дождавшись, когда патруль скроется из виду, он направился туда, где исчез незнакомец.

Сяочунь замер перед массивным зданием. Он поднял взгляд на огромную каменную стелу у входа:

Астрологическое управление.

Весть о пожаре во дворце Юннин всколыхнула весь гарем.

Император Чунчжао пришёл в ярость. Глубокой ночью он лично прибыл на место происшествия, и в каждом дворце зажглись огни. К счастью, огонь заметили вовремя: пострадал лишь фасад, а внутренние покои почти не затронуло. Личные вещи наложницы Юнь остались целы.

И всё же император пробыл там до самого рассвета.

— Ваше Величество... — тихо позвал евнух Юй. — Глава управления Чжан прибыл и ожидает в дворце Цзычэнь.

Император, набросив на плечи одежду, стоял перед обгоревшими балками.

— В ту ночь, когда она покинула меня, была такая же глубокая тьма.

В первый раз, когда он не внял словам астрологов, он потерял любимую. Во второй раз, когда он решил оставить почти трёхлетнего сына во дворце, едва не лишился памяти о ней.

Когда-то в его душе тлело подозрение, что Астрологическое управление состоит в заговоре против Юэцин. После того как он отослал сына в Цзюйань, он два года следил за ведомством,

но так ничего и не обнаружил. Лишь тогда он окончательно поверил в их предсказание.

Евнух Юй взглянул на лицо государя и едва слышно вздохнул.

В это время Вэнь Сяочунь уже вернулся во дворец Цзюйань. Дубянь крепко спал, а Е Сяюань преданно ждал товарища.

— Всё так, как мы и думали: дворец Юннин подожгли, — прошептал Сяочунь, и в его глазах блеснул холодный огонь. — Теперь я уверен на девяносто процентов: за всем этим стоит Астрологическое управление.

— Они построили своё величие на смерти госпожи и несчастье принца, — отозвался Сяюань.
— Тебя не заметили?

— Ночь была тёмная, а я прикрыл лицо. Он меня не разглядел.

Подозрения оставались подозрениями — у них не было улик.

— У этой задачи должно быть решение, — процедил Сяочунь. — Они клеветают на принца, называют его «греховным плодом»...

— Помни, где мы находимся, — предостерег его Сяюань. — Не делай глупостей, иначе подставишь принца под удар. В конечном счёте всё зависит лишь от воли императора.

Сяочунь отвернулся и плотно сжал губы. Вскоре они узнали, какова была эта воля.

На следующий день.

Дубянь закончил упражнения тайцзи и сел за стол, когда в покои вошёл евнух Юй со свитком императорского указа в руках. Поначалу в указе шли длинные и пышные вступления, но суть крылась в конце:

«...Седьмой принц, дабы почтить память матери и снискать для неё благословение, должен покинуть дворец и провести полгода в молитвах. По прошествии сего срока ему дозволено будет вернуться. Да будет так».

Путь из небесного чертога в преисподнюю оказался короток.

— Ваше Величество... государь велел, когда именно нужно уезжать? — дрожащим голосом

спросил Сяююань.

Евнух Юй посмотрел на него с состраданием:

— Дано три дня на сборы. Повозка, слуги и служанки — всё уже готовится.

Приняв указ, Е Сяююань проводил гостя до ворот и тихо спросил:

— Вчера ночью... кто-нибудь был на приёме у государя?

— Заходил глава Астрологического управления. Его Величество всю ночь не смыкал глаз: пожар в покоях наложницы Юнь сильно расстроил его, — ответил евнух Юй. — Он не забудет о Маленьком принце, полгода пролетят быстро.

— Счастливого пути, господин Юй.

Сяююань поднял взгляд к небу. Как бы холодно ни было у него на душе, вернувшись к принцу, он заставил себя улыбнуться.

— Ваше Высочество, в загородном дворце тоже неплохо, — ласково проговорил он. — Я буду рядом. Считайте это прогулкой, ведь у других принцев такой возможности нет. Полгода пролетят незаметно, и вы снова увидите отца-императора.

Даже сейчас он старался поддержать в ребёнке веру в то, что отец любит его.

Дубянь проглотил вонтон и, казалось, ничуть не расстроился. С улыбкой он ответил:

— Хорошо.

— Сяочунь, ты хочешь остаться во дворце? — спросил Сяююань.

— Где принц, там и я, — отрезал тот.

[Персонаж: Вэнь Сяочунь]

[Приязнь: 43]

Слуги были полны решимости. Но Дубянь вовсе не собирался уезжать.

Он только начал обживаться и планировал действовать неспешно, но Астрологическое управление решило использовать его как ступеньку для своей славы. Если он стерпит это сейчас, затаённая обида отравит его изнутри. А недуги души ведут к болезням тела — какое уж тут долголетие!

Но это была лишь одна причина. Куда важнее было то, что он понимал: вдали от дворца расправиться с трёхлетним ребёнком проще простого. Если он не даст отпор сейчас, клеймо «греховного плода» прилипнет к нему навсегда. Его жизнь и будущее окажутся в руках врагов.

В мире, где власть императора абсолютна, а суеверия правят умами, это означало бы вечное забвение. Он должен нанести ответный удар, и сделать это быстро. В прошлой жизни это назвали бы информационной войной, и на ответ есть лишь драгоценные двадцать четыре часа. Кто знает, что ещё заготовили астрологи? Ему нужно заставить «дешёвого папашу» передумать, пока слухи не расползлись слишком далеко.

Закончив обед, Дубянь вытер рот и спрыгнул со стула.

— Я пойду поучусь писать, — объявил он. — Спутник Е, Сяочунь, не мешайте мне.

Он плотно закрыл окна и сел за свой маленький столик. Пора было писать первое «размышление». На счету оставался всего один день жизни, и если случится непредвиденное, а цепочка отметок прервётся, его песенка будет спета.

Пока разум был ясен, Дубянь открыл инвентарь и использовал на императоре Чунчжао второе «Создание озорных снов». Когда предмет исчез, в графе количества высветилось «0/0», а рядом появилась кнопка покупки. Цена одного такого «Создания озорных снов» составляла пять дней жизни.

«Грабёж среди бела дня!»

Настроив видение, Дубянь взял лист чистой бумаги и угольный карандаш в левую руку. Правой он писал слишком медленно и коряво — левой выходило куда быстрее и чётче.

«Покажи формат размышления. И точно ли нет ограничений по объёму?»

Симулятор выдал ответ:

[Формат эссе представлен. Хозяину нужно лишь описать свои истинные чувства. Программа сама определит количество начисленных дней жизни]

«У меня нет времени на долгие раздумья. Если я закончу за полдня, сколько жизни мне снимут при проверке?»

[Поскольку опыт продлился меньше суток, максимальное вознаграждение снизится с 90 до 45 дней. Итоговая сумма будет зависеть от оценки искренности. Учитывая малый возраст Хозяина, проверка будет мягкой]

В вопросе защиты «молодняка» система порой бывала удивительно человеческой.

«Начинаем», — выбрал Дубянь.

[Жар второго уровня. Стопроцентная симуляция запущена. Срок — три дня]

[Желаем приятного опыта и долголетия]

От таких пожеланий хотелось только выругаться.

Дубянь почувствовал, как температура тела стремительно ползёт вверх, а в голове поселяется вязкий туман. Он понимал: если бы не защита системы, такой жар за три дня превратил бы его в дурачка. На столе лежало несколько листов с прописями — если кто-нибудь войдёт, он сможет быстро спрятать свою работу.

Дубянь тряхнул головой, прогоняя наваждение, и его левая рука уверенно вывела первый иероглиф.

<http://bllate.org/book/16117/1585071>